

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-176-186

ИСЛАМ В СУАР КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ КНР

А.С. Мавлонова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, Россия, 101000

Сепаратизм в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР является очень сложной, многогранной, многомерной, многофакторной и одновременно малоизученной проблемой. Данная статья посвящена рассмотрению религиозного фактора как одного из факторов наряду с рядом других, провоцирующих политическую нестабильность в СУАР КНР.

Учитывая неоднородность Синьцзяна, был проведен анализ различных зон в регионе, имеющих свою особую специфику. Так, автор пришел к выводу, что именно религиозный фактор наиболее ярко выражен в Западной и Южной зонах. Здесь достаточно серьезный вес имеют радикально настроенные сепаратисты, которые используют в своих политических программах элементы ваххабитской идеологии, а выступления в данных частях Синьцзяна исходят из Ферганской долины. И в данном регионе антикитайские выступления, в отличие от населения Урумчи и Кульджи, зачастую происходят с лозунгами исламского освобождения.

Что касается политико-правового положения мусульман в Синьцзяне, то хотя на официальном уровне и гарантируется свобода вероисповедания, но на практике в подобных законодательных актах определяются узкие правовые границы осуществления религиозной деятельности, и они позволяют государственным органам строго контролировать и вмешиваться в сферу религиозных отношений. Тем не менее, к исповедующим ислам официально не предусмотрены какие-либо дополнительные требования, государство также уделяет достаточно серьезное внимание охране мусульманских памятников культуры, которые находятся в большом количестве в СУАР.

Ключевые слова: Синьцзян, КНР, сепаратизм, уйгуры, ислам

ВВЕДЕНИЕ

Для Китая проблема сепаратизма в СУАР — крайне актуальная, так как уйгурский сепаратизм, имея определенные исторические предпосылки, остается для КНР серьезным фактором нестабильности и напрямую угрожает территориальной целостности государства. СУАР является крупнейшей территориальной единицей КНР, расположенной на северо-западе государства, занимая почти шестую часть территории Китая и гранича с восьмью странами — Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Монголией, Пакистаном, Афганистаном и Индией. По числу приграничных государств занимает исключительное положение среди провинций и автономных районов КНР.

Несмотря на экономический рост и положительные изменения в социально-экономической жизни населения, межэтническая обстановка в СУАР за последние годы серьезно обострилась. Уйгурский сепаратизм — очень сложная, многогранная, многомерная, многофакторная и одновременно малоизученная проблема. В данной статье подробно рассматривается лишь один из факторов — религиозный.

На конец 2016 г. население Синьцзяна насчитывало почти 24 млн чел. [14]. Из них по неофициальным данным свыше 11 млн составляют уйгуры, что вполне соответствует переписи 2010 г. с учетом прироста населения. Принимая во внимание другие национальные меньшинства, проживающие в Синьцзяне и исповедующие ислам, мусульманское население региона составляет более половины общего населения [15].

Уйгуры являются тюркским народом, исповедующим ислам, который прибыл в Синьцзян в результате великого переселения на запад тюркских народов с территории нынешней Монголии в VIII—IX вв. И одна из самых болезненных в настоящий момент проблем, которая вызывает наибольшее возмущение уйгур СУАР, — ограничение свободы вероисповедания. По мнению местного населения, политика китайских властей по данному аспекту представляется им чрезмерно жесткой.

Можно предположить, что это сложились ввиду характерных особенностей ислама, а также из-за того, что религия глубоко проникла в уйгурское общество.

Существенной особенностью ислама является то, что он не предполагает разделение религии и государства, таким образом, идеалом является исламское государство. Для правоверных мусульман, особенно для тех, кто был воспитан в традиционном обществе, практически невозможно вести светский образ жизни в неисламском государстве без протеста против существующих порядков. Положение уйгур КНР также осложнено тем, что традиционные религиозные лозунги, которые призывают к объединению мусульман, всегда звучат для руководства Китая с политическим оттенком. Таким образом, подобная специфика ислама превращает его в глазах коммунистического китайского руководства в угрозу.

И хотя китайское руководство усиленно предпринимает попытки к утверждению четкой дифференциации между мусульманской верой уйгур Синьцзяна и лозунгами к независимости, в сознании автохтонного населения Синьцзяна они совсем неразделимы.

ОСОБЕННОСТИ ИСЛАМА В РАЗЛИЧНЫХ РАЙОНАХ СУАР

Стоит отметить, что сепаратизм в Синьцзяне неоднородный, в нем ярко прослеживаются этнические, религиозные и политические компоненты. И подобные настроения присущи далеко не всем уйгурам, населяющим Синьцзян, это больше характерно для южных районов, где очень сильны традиции ислама. Эту специфику можно объяснить географическим фактором. Рассмотрение Синьцзяна как единого целого — заблуждение. СУАР можно разделить на несколько районов, каждый из них обособлен и ощущает на себе определенное влияние соседней зарубежной культуры. Исторически произошло так, что намного легче было преодолеть серьезные расстояния через горные перевалы Памира, Кунь-Луня, Тяньшаня и Гиндукуша, чем совершить подобное в условиях пустынь Такла-Макан, Алашань и Гоби.

Таким образом, в дополнение к их этнической идентичности, большинство уйгур, как правило, идентифицирует себя с регионом, откуда они происходят. Исторически современный уйгурский этнос формировался в сложных политико-географических условиях региона Восточного Туркестана, из отдаленных террито-

риально друг от друга групп населения, зачастую различного этнического происхождения. И несмотря на языковую и религиозную общность, в настоящее время у уйгур сохраняется деление на этнографические группы или субэтносы — юрты: турфанцы, кашгарцы, хотанцы, яркендцы, лобнорцы и др. [8. С. 72]

Западная зона представляет собой территорию тюркского Кокандского ханства, исчезнувшего в XVIII в., и охватывает большую часть оазисов Таримской впадины. Южная зона, расположенная от Яркента и Хотана к Керии, подверглась сильному индийскому влиянию, что и обуславливает ее внешнюю направленность на эту страну, а также на Пакистан. Северные области Джунгарской равнины вместе с Семиречьем образуют Северную зону. Восточная зона, включающая районы северо-восточной части Синьцзяна, достаточно невелика и не характеризуется сильной активностью. В Центральной зоне расположен административный центр СУАР г. Урумчи [2. С. 106].

Неодинаковые подходы к определению уйгурами своей собственной национальной принадлежности находят свое отражение в структуре сепаратистского движения.

Так, именно религиозный фактор наиболее ярко выражен в Западной и Южной зонах. Здесь достаточно серьезный вес имеют радикально настроенные сепаратисты, которые используют в своих политических программах элементы ваххабитской идеологии. А выступления в данных частях Синьцзяна исходят из Ферганской долины, находящейся на стыке границ Киргизии и Узбекистана.

Действительно, данная территория является своеобразным пусковым механизмом уйгурских движений. В доказательство этому можно вспомнить печальные события 1871—1881 гг., когда в Синьцзяне произошло крупное антикитайское восстание, в результате которого было образовано мусульманское государство Якуб-бека — выходца из Ферганской долины [6. С. 103]. Хотя очаг исламского сопротивления в тот период удалось подавить, тем не менее это было достигнуто с большими трудностями.

Ситуация, которая наблюдается в настоящее время, достаточно серьезно отличается от тех событий, однако основные участники остались теми же. Географическая близость Ферганской долины с южными районами Синьцзяна явилась одной из причин переселения уйгуров с данной территории в долину.

Так же, как и сами ферганцы, уйгуры из Хотана, Кашгара, Аксу и Учтурфана являются яростными приверженцами ислама. Этот факт сыграл определенную роль в их культурной ассимиляции с жителями Ферганской долины. Таким образом, исламский фундаментализм, который в настоящий момент упорно просачивается через афгано-таджикский коридор, может отыскать своих яростных последователей в первую очередь в Ферганской долине. И в данном регионе антикитайские выступления, в отличие от населения Урумчи и Кульджи, зачастую происходят с лозунгами исламского освобождения [5. С. 268—270].

Стоит отметить, что несмотря на то, что большинство уйгур в настоящий момент являются мусульманами-суннитами, сильное влияние на них оказал суфизм, т.к. до суннизма уйгуры исповедовали ислам суфийского толка; часть уйгур остались приверженцами суфизма. Уйгурские суфисты гораздо более гетерогенны, чем сунниты и шииты, в результате отсутствия какого-либо орга-

низованного центрального руководства. И хотя суфизм предполагает познание и просветление самостоятельным путем, тем не менее наставление и направление в религии очень сильно зависит от духовных лидеров. Это создает различия в религиозной практике между регионами, населенными пунктами и даже различия между окрестностями.

Небольшая часть относит себя к салафитам, которые имеют тесные связи с движением Талибан и другими радикальными исламистскими группировками, такими как Исламское движение Узбекистана. Салафизм ориентирован на возвращение ислама к своим корням и зачастую вольно трактуется и используется в своих интересах террористическими группировками. Наличие салафитов среди уйгур объясняется, в первую очередь, как результат взаимодействия с арабскими моджахедами и афганскими талибами, а также итогом влияния, которое оказывали фундаменталистские медресе Пакистана, в которых проходили обучение молодые уйгуры.

Тем не менее, уклон на ислам в этой части СУАР имеет ряд слабых сторон. Во-первых, не стоит забыть то, что Синьцзян все-таки многонациональный и многоконфессиональный регион, и те лозунги, которые выдвигают лидеры данных движений, плохо воспринимаются не только большей частью населения данных территорий, но и даже народами, исповедующими ислам. Также сама сепаратистская деятельность под руководством религиозных организаций ставит эти организации вне закона, и это еще раз было доказано руководством автономного района, которым были приняты в 1989—1990 гг. специальные законодательные акты, регулирующие деятельность духовенства и религиозных организаций. В-третьих, их деятельность возможна только лишь при достаточной зарубежной финансовой поддержке, так как само существование религиозных организаций находится в полной зависимости от государственных дотаций.

Также стоит отметить, что после 1978 г. этнический элемент в Синьцзяне прослеживается не столь явно. Как уже было сказано выше, уйгуры являются не единственным коренным народом в этом регионе. Помимо них там также проживает приблизительно сто монгольских кланов. И без финансовой поддержки со стороны исламистских организаций Пакистана, Ирана и Сирии, а также уйгурских организаций, расположенных в США, в полной мере разжечь искру сепаратизма в СУАР при таком разнообразном наборе этнических групп кажется достаточно сложно.

Что касается Северной зоны СУАР, то она оказывает наиболее активное сопротивление политике, проводимой центральным руководством КНР. Местное население поддерживает прочные связи с диаспорами Казахстана и другими государствами Центральной Азии. Только в Казахстане проживают больше 256 тыс. уйгур [3]. Уйгуры проживают там достаточно компактно и обособленно, что позволяет им сохранять культурную самобытность и развивать ее. К востоку от Алматы и вдоль восточной границы Казахстана действуют по крайней мере четыре подпольных организации, чьи главные штаб-квартиры находятся на территории СУАР: Исламская партия возрождения, Организация объединенного национального революционного фронта Восточного Туркестана (ОНРФВТ), Восточно-туркестанский объединенный союз молодежи, Партия освобождения Уйгурстана. Первые две из названных — это те объединения, которые подозреваются в актив-

ной террористической деятельности. В связи с этим вполне понятной кажется позиция КНР, которая выдвигает определенные претензии Казахстану и обвиняет его в том, что он не желает предпринимать меры по противодействию терроризму. Но также вполне понятна и позиция самого Казахстана, который понимает все последствия, если он выдаст активистов и лидеров уйгурского сепаратистского движения. Не раз высшая мера наказания, примененная к захваченным на территории Синьцзяна боевикам, способствовала подъему на местном уровне волнений среди уйгуров, проживающих в Казахстане. И плюс к этому сами казахи оказывают поддержку уйгурам — своим братьям по вере [1. С. 229].

Учитывая данные обстоятельства, руководство КНР в рамках национальной политики проводит четкую, скоординированную политику относительно религиозной жизни китайского общества. Это касается всех религий, не только ислама, но конечно, к исламу проявляется повышенное внимание, и здесь требуется определенный специальный подход.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАН В КНР

Если говорить о политико-правовом положении мусульман вообще в Китае и в Синьцзяне в частности, то стоит отметить, что ситуация по сравнению с недавним прошлым изменилась в лучшую сторону. Отсутствие в свое время в Китае юридических гарантий касательно ислама не раз приводило к массовым нарушениям прав мусульман.

Тем не менее, время от времени в связи с борьбой с терроризмом и сепаратизмом в Синьцзяне руководство КНР прибегает к жестким мерам. Так, после активизации сепаратизма в 90-х гг. XX в. властями КНР были предприняты жесткие меры для того, чтобы религиозная жизнь в СУАР находилась под их контролем. Эти ужесточения затронули не только тех, кто активно противостоял государству, но и тех, кто пытался отстоять культурные особенности региона. Большое количество мусульманского духовенства и учеников медресе арестовывали за участие в так называемой «незаконной религиозной деятельности», также закрывались «незаконные религиозные центры». Был введен запрет на духовную деятельность и религиозное обучение для лиц, не достигших восемнадцати лет [7].

В настоящий момент в КНР право на свободу совести находится главным образом под защитой Конституции Китайской Народной Республики 1982 г. Именно в ней закреплены основные права населения государства, в том числе и то, что касается религии. Положения документа затрагивают все религиозные организации Китая, в том числе и мусульманские. Так, в статье 36 основного закона КНР говорится о том, что никакие государственные органы, общественные организации или отдельные лица не имеют права принуждать граждан исповедовать или не исповедовать ту или иную религию, граждане не могут подвергаться дискриминации в связи с их религиозной принадлежностью.

Государство также охраняет отправление религиозной деятельности. Религия не может использоваться для нарушения общественного порядка, нанесения вреда здоровью человека, а также в ущерб государственной системе образования [9. С. 127]. Из положений статьи 36 следует, что КНР предоставляет мусульманам и их религиозным общинам возможность свободно осуществлять рели-

гиозную деятельность в Китае, совершать необходимые обряды и отмечать религиозные праздники. Также Конституция никаким образом не препятствует религиозной жизни. Исключение составляют те случаи, когда религия используется с целью нарушения общественной безопасности и порядка. Тем не менее, данное ограничение достаточно негативно сказывается на мусульманской общине в связи с определенными особенностями быта верующих. Так, в частности, для лиц женского пола является необходимостью ношение хиджаба, что, соответственно, не сочетается с правилами образовательных учреждений, в которых действуют принципы светского образования.

Помимо Конституции, в Китае существует достаточно широкий спектр нормативных документов, которые защищают свободу вероисповедания в государстве. Положения об охране религиозных и иных законных интересов верующих содержатся в Уголовном кодексе, Общих положениях гражданского права КНР, Законе об образовании КНР, Трудовом кодексе, Гражданском процессуальном кодексе, Законе о выборах, Законе о национальной районной автономии¹. Непосредственно в СУАР действуют «Положение СУАР относительно управления религиозными делами», «Временное постановление относительно управления местами религиозной деятельности в СУАР»; «Временное постановление относительно управления религиозными делами СУАР»; «Временное постановление относительно управления религиозными делами СУАР»; «Временное постановление относительно контроля над деятельностью служителей культа»; Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района касательно контроля в сфере продуктов питания халяль»².

¹ См.: «中华人民共和国刑法» [Zhōnghuá rénmín gònghéguó xíngfǎ] // Уголовный кодекс КНР; «中华人民共和国民法通则» [zhōnghuá rénmín gònghéguó mínfǎ tōngzé] // Общие положения гражданского права КНР; «中华人民共和国教育法» [zhōnghuá rénmín gònghéguó jiàoyù fǎ] // Закон об образовании КНР; «中华人民共和国劳动法» [zhōnghuá rénmín gònghéguó láodòng fǎ] // Трудовой кодекс; «中华人民共和国民事诉讼法» [zhōnghuá rénmín gònghéguó mínshì sùsòng fǎ] // Гражданский процессуальный кодекс; «中华人民共和国全国人民代表大会和地方各级人民代表大会选举法» [zhōnghuá rénmín gònghéguó quánquó rénmín dàibiǎo dàhui hé difāng gè jí rénmín dàibiǎo dàhui xuǎnjǔ fǎ] // Закон о выборах; «中华人民共和国民族区域自治法» [zhōnghuá rénmín gònghéguó mínzú qūyù zìzhì fǎ] // Закон о национальной районной автономии.

² См.: «新疆维吾尔自治区宗教事务条例» [Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū zōngjiào shìwù tiáolì] // Положение СУАР относительно управления религиозными делами; «新疆维吾尔自治区宗教活动场所管理暂行规定» [Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū zōngjiào huódòng chǎngsuǒ guǎnlǐ zhàn háng guīzé] // Временное постановление относительно управления местами религиозной деятельности в СУАР; «新疆维吾尔自治区宗教活动管理暂行规定» [Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū zōngjiào huódòng guǎnlǐ zhàn háng guīdìng] // Временное постановление относительно управления религиозными делами СУАР; «新疆维吾尔自治区宗教教职人员管理暂行规定» [Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū zōngjiào jiào zhí rényuán guǎnlǐ zhàn háng guīdìng] // Временное постановление относительно контроля над деятельностью служителей культа; «新疆维吾尔自治区清真食品管理条例» [Xīnjiāng wéiwú'ěr zìzhìqū qīngzhēn shípǐn guǎnlǐ guǎnlì] // Положение Синьцзян-Уйгурского автономного района касательно контроля в сфере продуктов питания халяль».

Таким образом, на официальном уровне гарантируется свобода вероисповедания и осуществления религиозной деятельности, но на практике в подобных законодательных актах определяются узкие правовые границы осуществления религиозной деятельности, и они позволяют государственным органам строго контролировать и вмешиваться в сферу религиозных отношений.

Так, например, создание религиозных организаций, религиозных учебных заведений, а также организация мест для проведения религиозных обрядов строго регулируется положением «О религиозных отношениях», в котором прописана определенная процедура, реализовать на практике которую достаточно затруднительно [11].

Для создания любого религиозного учреждения, в частности и исламского, нужно предоставить в соответствующие государственные органы немалое количество документов. Если по каким-либо причинам руководство КНР будет против образования религиозного учреждения или его не будет устраивать кандидатура на должность имама, оно всегда может потребовать предоставить дополнительные документы, что, в свою очередь, будет являться существенным препятствием для верующих. То же самое касается и мест для проведения религиозных обрядов [12].

Таким образом, для того чтобы, например, учредить мечеть, необходимо пройти большое количество процедур. Мусульмане также могут создавать в Китае религиозные учебные заведения — медресе, но процедура эта достаточно длительная. Тем не менее, следует сказать, что к исповедующим ислам официально не предусмотрены какие-либо дополнительные требования, но пройти все согласовательные процедуры зачастую бывает достаточно трудоемко. Тем не менее количество новых мечетей в Синьцзяне из года в год увеличивается, и на сегодняшний день из почти 40 тыс. мечетей 24 400 находятся непосредственно в СУАР [13].

Также среди 109 религиозно-культурных объектов в Синьцзяне 46 являются ключевыми и находятся под охраной государства, 63 находятся под защитой автономного округа. Центральным правительством выделяются специальные средства на ремонт и реконструкцию данных объектов, в том числе самой большой мечети Китая Ид Ках в Кашгаре, мечети Байтула в Кульдже, мечети Дзямань в Хотане, мечети Янхан в Урумчи. Правительство Синьцзяна профинансировало реконструкцию и ремонт 28 храмов, в том числе минарета Эмина в Турфане. Многие древние религиозные книги, в том числе и биография пророка Мухаммада, были включены в каталог национальных редких книг Китая. Специальные средства были выделены для защиты и переиздания некоторых книг, в том числе Корана и биографии пророка Мухаммада. Исламское общество Синьцзяна также имеет свое духовное училище, издает «Коран» на уйгурском, китайском, казахском и киргизском языках [10].

Таким образом, существует немало нормативно-правовых актов, регулирующих религиозные отношения, но политика свободы вероисповедания в КНР является во многом декларативной. Порой в вышеуказанных нормативно-правовых актах содержатся достаточно жесткие требования, которые негативно влияют на возможность верующих реализовать свои права. Так, например, для отправления

религиозных обрядов священнослужителям необходимо проходить обучение в Исламской ассоциации КНР, и только тогда им разрешается проводить свою деятельность под строгим контролем специальных наблюдателей и полиции [1. С. 229].

Учитывая сложности в контроле над конфессиональной сферой, Китаем была разработана определенная тактика в отношении мечетей. На всех исторических этапах китайское руководство пыталось сотрудничать с мусульманским духовенством в Синьцзяне, что было для него выигрышно. Таким образом, в настоящий момент исламские духовные лидеры в СУАР в основном ставленники власти или же находятся под ее влиянием, подвергаясь серьезному контролю со стороны государственных органов. Помимо этого финансовая поддержка от государства имеет в этом деле немаловажное значение.

Вместе с политикой свободного вероисповедания руководство КНР также проводит принципы разделения религии и политики. Религиозные организации не могут исполнять властные функции и не допускается их вмешательство в административное управление и законодательные дела государства. Также религии запрещено вмешиваться в сферу образования, т.е. в деятельность учебных заведений и социальное общественное воспитание, а также в вопросы брака и планового деторождения. И все это прямым образом противоречит основным положениям ислама о неразделении религии и государства.

Независимое уйгурское государство, в основе которого лежит ислам, как и прежде, является ядром сепаратистских настроений в Синьцзяне. По всей вероятности, китайскому руководству будет достаточно сложно заменить эти идеи среди автохтонного населения, новыми идеологическими установками, пока они глубоко не внедрятся в его сознание.

Также на сегодняшний день идея объединения всего многонационального Китая с позиции китайского суперэтнуса еще пока не нашла отклика среди уйгур, чему серьезно способствует роль ислама, и повышение самостоятельности на местах, а также активное включение уйгур в реформы приводило к взрывам недовольства и подъему национального самосознания. Вероятно, в ближайшей перспективе работа в этом направлении с автохтонным населением Синьцзяна останется одной из основных задач руководства КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Буяров Д.В.* Некоторые аспекты государственного регулирования религиозной сферы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 18.
2. *Сыроежкин К.Л.* Синьцзян: большой вопрос для Китая и Казахстана. Алматы, 2015.
3. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2016 года // Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. Режим доступа: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publBullS14-2016?_afzLoop=4033806516728711#%40%3F_afzLoop%3D4033806516728711%26_adf.ctrl-state%3D12pqjjhd4h_17. Дата обращения: 25.01.2018.
4. *Clarke M.* Looking West: China and Central Asia // *Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission*. 2015.
5. *Finley J.S.* The Art of Symbolic Resistance. Uyghur Identities and Uyghur-Han Relations in Contemporary Xinjiang. 2013.

6. *Hodong Kim*. Holy War in China: the Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864—1877. Stanford University Press, 2004.
7. *Michael E. Clarke*. Xinjiang and China's Rise in Central Asia, 1949—2009: A History. London: Routledge, 2011.
8. *Millward J., Tursun N.* Political History and Strategies of Control 1884—1978 in China's Muslim Borderland. New York: M.E. Sharp Publishers, 2004.
9. 中华人民共和国宪法// Конституция КНР. Режим доступа: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=27574&lib=law>. Дата обращения: 25.01.2018.
10. 新疆的宗教信仰自由状况 [Xinjiang de zongjiao xinyang ziyou zhuangkuang] // Свобода религиозных убеждений в Синьцзяне // Информационное агентство «Синьхуа» Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-06/02/c_1118976926.htm. Дата обращения: 25.01.2018.
11. 宗教活动场所设立审批和登记办法国家宗教事务局令 [Zongjiao huodong changsuo sheli shenpi he dengji ban fa guojia zongjiao shiwu ju ling] // Правила реорганизации и ликвидации религиозного учреждения. Режим доступа: <http://www.lawinfochina.com>. Дата обращения: 25.01.2018.
12. 宗教事务条例 [Zongjiao shiwu tiaoli] // Положение «О религиозных отношениях». Режим доступа: <http://www.lawinfochina.com>. Дата обращения: 25.01.2018.
13. 数据说话! 新疆如何满足信教公民正常宗教需求? // [Shuju shuohua! Xinjiang ruhe manzu xinjiao gongmin zhengchang zongjiao xuqiu?] // Как Синьцзян может удовлетворить религиозные потребности граждан // Официальный сайт Правительства СУАР КНР. Режим доступа: <http://www.xinjiang.gov.cn/2016/06/03/50.html>. Дата обращения: 25.01.2018.
14. 新疆维吾尔自治区 2016 年国民经济和社会发展统计公报 [Xinjiang weiwuer zizhiqu 2016 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao] // Статистический бюллетень Национального экономического и социального развития в 2016 году в Синьцзян-Уйгурском автономном районе // Официальный сайт Правительства СУАР КНР. Режим доступа: <http://www.xinjiang.gov.cn/2017/04/17/129362.html>. Дата обращения: 25.01.2018.
15. 2015 年新疆 1%人口抽样调查主要数据公报 [2015 Nian xinjiang 1% renkou chouyang diaocha zhuyao shuju gongbao] // Статистика по данным выборки 1% населения с СУАР 2015 г. // Статистическое бюро СУАР КНР. Режим доступа: http://www.xjtj.gov.cn/tjfw/dh_tjgb/201608/t20160801_509437.html. Дата обращения: 25.01.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-176-186

ISLAM IN XINJIANG AS A FACTOR OF POLITICAL INSTABILITY IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

A.S. Mavlonova

National Research University Higher School of Economics
Myasnikskaya str., 20, Moscow, Russia, 101000

Abstract. Separatism in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of People's Republic of China is a very complex, multifaceted, multidimensional, multifactorial and, at the same time, little-studied problem. This article is devoted to the consideration of the religious factor as one of the factors along with a number of others provoking political instability in the Xinjiang.

Given the heterogeneity of Xinjiang, an analysis was conducted of the various zones in the region, which have their own specific characteristics. So, the author came to the conclusion that it is the religious factor that is most pronounced in the Western and Southern zones. Radically-minded separatists, who use elements of the Wahhabi ideology in their political programs, have a fairly serious weight here. And the speeches in these parts of Xinjiang come from the Ferghana Valley. And in this region, anti-Chinese actions, unlike the population of Urumqi and Kuldja, often occur with the slogans of Islamic liberation.

Regarding the political and legal situation of Muslims in Xinjiang, although freedom of religion is guaranteed at the official level, in practice, such legislative acts define narrow legal boundaries for religious activities, and they allow state bodies to strictly control and interfere in the sphere of religious relations. Nevertheless, there are not any additional requirements for professing Islam, the state also pays enough attention to the protection of Muslim cultural monuments, which are in large numbers in the Xinjiang.

Key words: Xinjiang, China, Central Asia, separatism, Uighurs, Islam

REFERENCES

1. Buyarov D.V. Nekotoryye aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya religioznoy sfery v Sin'tszyan-Uygurskom avtonomnom rayone. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015; 18. (In Russ.).
2. Syroyezhkin K.L. *Sin'tszyan: bol'shoy vopros dlya Kitaya i Kazakhstana*. Almaty; 2015. (In Russ.).
3. Chislennost' naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdel'nym etnosam na nachalo 2016 goda. *Komitet po statistike Ministerstva natsional'noy ekonomiki RK*. Available from: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/publBullS14-2016?_afLoop=4033806516728711#%40%3F_afLoop%3D4033806516728711%26_adf.ctrl.sostoyaniya%3D12pqjjhd4h_17. (In Russ.).
4. Clarke M. Looking West: China and Central Asia. *Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission*. 2015
5. Finley J.S. The Art of Symbolic Resistance. *Uyghur Identities and Uyghur-Han Relations in Contemporary Xinjiang*. 2013
6. Hodong Kim. *Holy War in China: the Muslim Rebellion and State in Chinese Central Asia, 1864—1877*. Stanford University Press; 2004.
7. Michael E. Clarke. *Xinjiang and China's Rise in Central Asia, 1949—2009: A History*. London: Routledge; 2011.
8. Millward J., Tursun N. *Political History and Strategies of Control 1884—1978 in China's Muslim Borderland*. New York: M.E. Sharp Publishers; 2004.
9. 中华人民共和国宪法. *Constitution of China*. Available from: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=27574&lib=law>. (In Chin.).
10. 新疆的宗教信仰自由状况 [Xinjiang de zongjiao xinyang ziyou zhuangkuang]. *Informatsionnoye agentstvo «Xinhua»*. Available from: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-06/02/c_1118976926.htm. (In Chin.).
11. 宗教活动场所设立审批和登记办法国家宗教事务局令 [Zongjiao huodong changsuo sheli shenpi he dengji ban fa guojia zongjiao shiwu ju ling]. Available from: <http://www.lawinfochina.com>. (In Chin.).
12. 宗教事务条例 [Zongjiao shiwu tiaoli]. Available from: <http://www.lawinfochina.com>. (In Chin.).
13. 数据说话！新疆如何满足信教公民正常宗教需求？ [Shuju shuohua! Xinjiang ruhe manzu xinjiao gongmin zhengchang zongjiao xuqiu?]. Available from: <http://www.xinjiang.gov.cn/2016/06/03/50.html>. (In Chin.).
14. 新疆维吾尔自治区 2016 年国民经济和社会发展统计公报 [Xinjiang weiwuer zizhiqu 2016 nian guomin jingji he shehui fazhan tongji gongbao]. Official site of the government of China. Available from: <http://www.xinjiang.gov.cn/2017/04/17/129362.html>. (In Chin.).

15. 2015 年新疆 1%人口抽样调查主要数据公报 [2015 Nian xinjiang 1% renkou chouyang diaocha zhuyao shuju gongbao]. *Statisticheskoye byuro SUAR KNR*. Available from: http://www.xjtj.gov.cn/tjfw/dh_tjgb/201608/t20160801_509437.html. (In Chin.).

Сведения об авторе:

Мавлонова Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: mavlonova.anna@yandex.ru).

Information about the author:

Mavlonova Anna Sergeevna — PhD, senior lecturer of National Research University Higher School of Economics (e-mail: mavlonova.anna@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 01.03.2018.

Received 01.03.2018.

© Мавлонова А.С., 2018.